

УДК 347.21

ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА ТОКЕНА

А. А. Грибовский

аспирант

Белорусский государственный экономический университет

Обзор нормативного правового регулирования гражданского оборота токена на территории Республики Беларусь, Российской Федерации, Европейском союзе, а также практики правоприменения судебными инстанциями законодательства о токенах.

Ключевые слова: токен, криптовалюта, цифровые права, правовое регулирование цифровой экономики, гражданский оборот.

Введение

В мире происходит смена технологических укладов. Республика Беларусь активно включилась в этот процесс, начав с разрешения ключевого вопроса – узаконивания правоотношений, возникающих в новых технологических укладах.

В Республике Беларусь базовыми нормативными правовыми актами обеспечивающими переход к новым технологическим укладам выступают:

– Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) [1];

– Декрет Президента Республики Беларусь от 22.09.2005 № 12 (ред. от 21.12.2017) «О Парке высоких технологий» (далее – Декрет № 12) [2];

– Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23.03.2016 № 235 (ред. от 21.12.2017) «Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы» (далее – Постановление № 235) [3].

Основой создания цифровой экономики в Республике Беларусь выступило Постановление № 235. Пунктом 1 Постановления № 235 утверждена Государственную программу развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. (далее – Госпрограмма). Целью Государственной программы является совершенствование условий, содействующих трансформации сфер человеческой деятельности под воздействием информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), включая формирование цифровой экономики, развитие информационного общества и совершенствование электронного правительства.

Реализация Государственной программы направлена на достижение одного из приоритетов социально-экономического развития Республики Беларусь – эффективные инвестиции и ускоренное развитие инновационных секторов экономики.

Госпрограмма включает следующие подпрограммы, содержащие системообразующие мероприятия национального масштаба в сфере ИКТ:

- «Информационно-коммуникационная инфраструктура»;
- «Инфраструктура информатизации»;
- «Цифровая трансформация».

Госпрограмма указывает, что цифровая трансформация предусматривает собой трансформацию бизнес-процессов посредством ИКТ во всех сферах жизнедеятельности современного общества.

Основная часть

Российский ученый А.И. Савельев очень тонко подметил, что Декрет № 8 имеет прямое сходство с инновацией в технической сфере [4]. С уверенностью можно сказать больше – Декрет №8 и есть настоящая правовая инновация.

Большинство ученых ассоциирует эффективность государственно-правового воздействия на жизнедеятельность общества с результативностью соответствующего воздействия, понимаемой как определенные последствия воздействия установленных государством норм права на общественные отношения.

По мнению А.С. Пашкова и Л.С. Явича, государственно-правовое воздействие эффективно, если та или иная установленная государством норма права предусматривает оптимальный вариант поведения, требуемый для достижения научно обоснованной цели, и реально обеспечивает наступление результата, соответствующего этой цели [5].

С точки зрения И.С. Самощенко и В.И. Никитинского, необходимо признать эффективным или “эффективным в собственном смысле слова” такое государственно-правовое воздействие, которое в любой, пускай даже в самой незначительной, степени обеспечивает приближение хотя бы к одной (даже второстепенной) социальной цели [6].

Эффективность различных государственно-правовых явлений, как правило, раскрывается посредством соотношения между собой таких понятий, как “результат” и “цель” [5].

Таким образом, в наиболее общем виде эффективность инновационной функции государства можно определить как соотношение между фактическим результатом государственного регулирования инновационной деятельности и теми целями (ближайшими, более отдаленными, конечными), для достижения которых оно осуществляется.

Чем ближе соотношение между результатом государственного регулирования новаторской деятельности и целями инновационной функции государства, тем о большей степени эффективности осуществления данной функции можно утверждать. Если цели, которые ставились государством в лице его соответствующих органов при регулировании инновационной деятельности, достигнуты полностью, то осуществление инновационной функции государством может считаться в полной мере эффективным.

Целями правового регулирования гражданского оборота токенов в Республике Беларусь выступали развитие Парка высоких технологий, инновационной сферы и построения современной цифровой экономики в Республике Беларусь (Преамбула Декрета №8).

По данным Администрации Парка высоких технологий (далее – ПВТ) за 2018 г. ПВТ принял порядка 267 новых компаний и, впервые в истории ПВТ, экспорт составил 1 млрд 414 млн долларов; при этом рост выручки составил 38% [7]. В этой связи одна из целей, установленная Декретом № 8, – развитие Парка высоких технологий – достигнута.

Вступление в силу Декрета № 8 поставило Республику Беларусь в авангард правового регулирования токенов и криптовалют. До белорусского государства регулирование соответствующих отношений в том или ином объеме было введено, например, в законодательства США, Японии, Гибралтара (заморская территория Великобритании) [8].

Последователем Республики Беларусь выступила Республика Мальта [9], первая из стран Европейского союза.

С 28 марта 2018 г. в Республике Беларусь появился новый объект правоотношений – токен – о чем прямо указано в пункте 2 Декрета № 8.

Таким образом, в результате вступления в силу Декрета № 8 произошла “цифровая трансформация” посредством ИКТ в такой важной сфере жизнедеятельности современного общества как право.

Цифровая трансформация гражданского оборота посредством ИКТ привела к появлению не только новых объектов правоотношений, но и активизировала дискуссии о месте токена и криптовалюты среди объектов гражданских прав.

Пункт 12 Приложения 1 к Декрету № 8 устанавливает что, под цифровым знаком (токеном) понимается запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой.

Специфика вышеуказанного термина “токен” заключается в его двойственности. Токен одновременно есть цифровой знак и (или) есть криптовалюта. Данный факт подчеркивается российским ученым А.И. Савельевым [4].

Правовед С.В. Овсейко рассматривает “токен” как “единицу криптовалюты”, обосновывая такую точку зрения тем, что «...поскольку созданием криптовалют занимаются не государства и даже не банки, их вполне можно назвать “частными деньгами”...» [10]. С.В. Овсейко отмечает, что в отношении определения роли “криптовалют” в гражданском обороте возможно четыре альтернативных подхода:

- 1) деньги (расчетная единица);
- 2) ценные бумаги;
- 3) специфический товар;
- 4) уникальный (инвестиционный) актив, имеющий дематериализованную форму “записи” (последовательности 0 и 1).

Согласно предположению С.В. Овсейко, именно на четвертом походе и остановились разработчики Декрета № 8, что, по мнению ученого, косвенно подтверждается исключением соответствующей деятельности из числа банковской и деятельности на рынке ценных бумаг, и одновременном освобождении соответствующие операции от налога на добавленную стоимость [10].

С.В. Овсейко, формулируя наименование четвертого подхода, акцентирует внимание, что “токен” есть первичная регистрационная запись в памяти компьютера [10].

“Криптовалюта”, по мнению С.В. Овсейко, по своей юридической природе представляет собой “нематериальное имущество” [10].

С.В. Овсейко не разграничивает “токен” и “криптовалюту” как различные правовые сущности.

В совокупности каждый из вышеуказанных подходов, названных С.В. Овсейко, имеет массу проблем теоретического и практического свойства, что существенно затрудняет осуществление выбора между ними со стороны государства.

Доктор юридических наук О.Н. Толочко подчеркивает необходимость законодательного введения в гражданский оборот цифровых валют, блокчейна, ICO, криптобирж, майнинга и связанных технологий и процессов, которые в мире пока находятся в “серой зоне” правового регулирования.

По мнению О.Н. Толочко, правовое регулирование оборота криптовалюты возможно с трех разных позиций:

- первая – запрет или ограничение (Китай, Южная Корея, Израиль);
- вторая – легализация токенов как средства платежа, а также легализация криптобирж и сопутствующих технологий (считать криптовалюты средством платежа (день-

гами), блокчейновые транзакции – гражданским оборотом, а ICO (Initial coin offering (с англ. – “первичное предложение монет, первичное размещение монет”)) – способом инвестирования (по аналогии с IPO (Initial Public Offering (с англ. – “первичное предложение акций, первичное размещение акций”)));

– третья – отказ от специального гражданско-правового регулирования с одновременным принятием правовых мер, направленных на минимизацию рисков мошенничества, финансирования преступной деятельности и отмывания денег, полученных преступным путем (такое решение, по сути, состоит в констатации того, что токены не являются ни деньгами, ни товаром, ни ценностями и обращаются в зависимости от спроса и предложения на них) [11].

О.Н. Толочко не разграничивает “токен” и “криптовалюту” как различные правовые сущности, однако считает необходимым обеспечение регулирования оборота токенов и криптовалют на законодательном уровне.

В.В. Хилюта разграничивает правовые сущности “токен” и “криптовалюта” [12]. По мнению ученого термин “токен” является общим понятием, которое охватывает и криптовалюты, и токены.

В.В. Хилюта выделяет следующие признаки токена:

– в удостоверении права на объект гражданских прав (это могут быть как вещные, так и иные права);

– существовании в блокчейне или иной распределенной информационной системе (существование именно записи о праве в блокчейне или ином распределенном реестре данных). Исходя из признаков токена, В.В. Хилюта делает вывод о том, что в соответствии с положениями Декрета № 8, “токен” и “криптовалюта” соотносятся как общее и частное. Основным отличием “криптовалюты” от “токена”, по мнению В.В. Хилюты, является участие в гражданском обороте в качестве “универсального средства обмена” [12].

Аналогичную позицию занимает российский исследователь правового регулирования ИКТ – А.И. Савельев [4]. А.И. Савельев отмечает, что в Декрете № 8 криптовалюта является разновидностью токена и характеризуется особой функциональной направленностью – использованием ее в качестве универсального средства обмена [4].

В.В. Хилюта акцентирует внимание, что с учетом того, что согласно положениям ст. 128 Гражданского кодекса Республики Беларусь перечень объектов гражданских прав исчерпывающий (вещи, включая деньги и ценные бумаги; иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; нераскрытая информация; исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг; нематериальные блага), то методом исключения можно прийти к выводу, что токен и криптовалюта не относятся ни к работе или услуге, ни к нематериальным благам, ни к объектам интеллектуальной собственности.

Как подчеркивает В.В. Хилюта – “...есть большие сомнения, стоит ли относить токен и криптовалюту к имущественным правам, безналичным и электронным деньгам, бездокументарным ценным бумагам” [12].

Председатель Суда по интеллектуальным правам Российской Федерации Л.А. Новоселова отмечает, что “...токен является способом фиксации определенных имущественных прав, и его принадлежность конкретному лицу характеризует владельца как обладателя этого имущественного права...” [13].

В отличие от В.В. Хилюты, Л.А. Новоселова считает, что во многих случаях токены реализуют те же функции, что и ценные бумаги: фиксируют наличие и содержание права (причем часто аналогичного по содержанию тому, которое может быть

закреплено в ценной бумаге) и обеспечивают его передачу в привязке к носителю, на котором оно закреплено. Формальное отличие токена от классической ценной бумаги сводится к отсутствию собственно бумаги, документа, отвечающего установленным законом требованиям. Сугубо формальные, а не сущностные черты не позволяют признать такие токены бездокументарными ценными бумагами [13].

В.В. Хилюта склоняется к отнесению “токена” и “криптовалюты” к иным видам имущества. Свою точку зрения ученый обосновывает следующим образом [12].

Существование “токена” и “криптовалюты” объективируется в форме определенной структуры данных (токенов). Криптовалюта и токены имеют внешнее выражение, могут закрепляться за определенными лицами (т. е. способны находиться в обладании) и передаваться от одного лица другому.

Именно поэтому криптовалюта представляет собой имущество или его разновидность (иначе говоря, иное имущество в смысле ст. 128 ГК).

В данном контексте содержание объектной группы “иное имущество” можно формировать лишь за счет включения в данное понятие функциональных аналогов.

Это объекты, которые не являются вещами, в том числе деньгами и ценными бумагами, но обращаются в данном качестве (энергия и мощность, газ, радиочастотный ресурс и ресурс нумерации, специальные законные средства платежа и т. д.).

Из текста Декрета № 8 можно сделать вывод, что любой токен – самостоятельный объект гражданских прав.

Хотя он прямо и не обозначается в качестве вещи, в то же время владелец токена обладает им на праве собственности или ином вещном праве. Такое сочетание потенциально допускается лишь в отношении объектов, которые можно отнести к так называемому иному имуществу.

На основе вышесказанного в среде юристов появилось мнение, что криптовалюта вообще не является объектом гражданских прав [12].

Однако если Декрет № 8 стал регулировать данную область правоотношений, то такое суждение не может найти поддержки.

Обратимся к судебной практике.

В Республике Беларусь судебная практика относительно токенов в цивилистике еще не сформировалась. В Российской Федерации (наиболее близком гражданском правопорядке для Республики Беларусь) уже имеется судебный прецедент.

Судом Российской Федерации криптовалюта была впервые признана имуществом (постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/18). Суд отнес ее к категории “иного имущества”, указав на отсутствие в гражданском законодательстве закрытого перечня объектов гражданских прав и возможность широкого толкования понятия “иное имущество” с учетом современных реалий (ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации) [14].

В Европейском союзе известность получило дело *Skatteverket v. David Hedqvist*, рассмотренное Европейским судом справедливости, в котором криптовалюта биткоин была признана валютой для целей налогообложения и операции по обмену биткоинов на фиатные деньги были освобождены от НДС [15].

В Японии криптовалюты получили в определенной части статус платежного средства, которое может использоваться любым признающим его лицом для осуществления платежей за товары, работы, услуги во взаимоотношениях с неопределенным кругом лиц [16].

В Бразилии установлено достаточно широкое определение цифровой валюты, в силу чего криптовалюты вроде биткоина вполне подпадают под соответствующее понятие и регулирование [16].

При этом ни в Японии, ни в Бразилии криптовалюты не признаются законным средством платежа.

В США криптовалюта рассматривается в различных качествах, в том числе как имущественный актив (property) для целей налогообложения или (Комиссией по срочной биржевой торговле США) биржевой товар для целей применения отдельных положений законодательства о биржевой торговле. По мнению Комиссии по рынку ценных бумаг США (SEC), в случаях, когда криптовалюта используется для привлечения инвестиций в рамках Initial Coin Offering (ICO), на действия по ее размещению может распространяться законодательство США о ценных бумагах, а сама криптовалюта (токен) может рассматриваться в качестве такой разновидности ценной бумаги, как инвестиционный контракт (investment contract). А.И. Савельев подчеркивает, что с подробным анализом правового регулирования криптовалют в различных юрисдикциях можно ознакомиться в иных источниках, однако уже приведенных выше примеров достаточно, чтобы увидеть отсутствие унитарного подхода к правовой квалификации криптовалют в ряде зарубежных юрисдикций [16].

А.И. Савельев отмечает, что при этом многие подходы к квалификации криптовалют, отраженные в зарубежных правовых системах, обусловлены:

- (1) спецификой терминологии и конкретной правовой системы;
- (2) спецификой задач, для решения которых был выработан тот или иной подход.

За рубежом, как правило, используется точечное регулирование: соответствующие акты и разъяснения принимаются по отдельным, преимущественно публично-правовым вопросам (налогообложение, применимость законодательства о противодействии легализации денежных средств, полученных преступным путем и т. п.), в остальных сферах законодатели и регуляторы занимают выжидательную позицию, обеспечивая участникам оборота простор для саморегулирования.

А.И. Савельев обращает внимание, что в связи с этим некритическое и механическое заимствование зарубежных решений для российских реалий в лучшем случае не будет иметь позитивного эффекта, а в худшем – деформирует сложившиеся правовые конструкции [15].

Директор по исследованиям в области сравнительного права АНО «Центр международных и сравнительно-правовых исследований», преподаватель кафедры гражданского права МГУ имени М.В. Ломоносова М.Л. Башкатов, рассуждая о цифровых активах, указал, что, например, криптовалюта не отражает наличия у ее обладателя каких-либо дополнительных, внешних по отношению к криптовалюте относительных или абсолютных прав. Криптовалюта в традиционном ее понимании (биткоин, эфириум – наиболее популярные криптовалюты), как подчеркнул эксперт, не дает прав требования к эмитенту, и отсутствие такого права является неотъемлемым элементом понятия криптовалюты. При этом она представляет имущественную ценность сама по себе, поскольку за нее готовы дать другую имущественную ценность, но сейчас ни в одном правовом порядке мира, по словам эксперта, криптовалюта напрямую не признается законным средством платежа. На такую валюту, отметил М.Л. Башкатов, у ее обладателя нет абсолютных прав, но она может быть предметом относительных правоотношений, в том числе возмездного распоряжения [17].

Ключевая проблема в признании за обладателем криптовалюты абсолютного права на нее заключается, с точки зрения эксперта, в том, что правовой порядок не в состоянии обеспечить надлежащую защиту такого права от посягательств третьих лиц. Так, Максим Башкатов привел гипотетический пример: если кто-то увидит криптографический ключ и, например, запомнит его (что, конечно, маловероятно в действительности), а потом передаст добросовестным приобретателям, то виндигировать ключ будет просто невозможно, суды в таких ситуациях окажутся бессильны.

Например, в немецкой доктрине, по словам М.Л. Башкатова, криптовалюта сравнивается иногда с виртуальными предметами (прежде всего с предметами или персонажами многопользовательских ролевых онлайн-игр). Однако, полностью их отождествлять нельзя, поскольку правовая позиция в отношении таких виртуальных предметов зависит от относительных правоотношений между игроком и оператором игры, считает эксперт.

В настоящее время и в Германии, и в России криптовалюту относят чаще всего к “иному имуществу”, что уже нашло свое подтверждение в российской судебной практике, как упомянуто выше. Защита в отношении криптовалюты обеспечивается наличием в российском правовом порядке, в отличие от немецкого, генерального деликта, то есть правила о том, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также имуществу юрлица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим такой вред [17].

Единственным доводом в пользу вещно-правового режима криптовалюты, по словам эксперта, может служить распространение на нее действия института добросовестного приобретения. Однако, ввиду существования в России упомянутого принципа генерального деликта, потребность в абсолютном праве на криптовалюту в нашей стране ниже, чем в Германии, отметил директор по исследованиям в области сравнительного права.

Необходимо отметить, что в Государственной думе Российской Федерации на рассмотрении находится законопроект о цифровых правах, который 22 мая 2018 г. был принят в первом чтении. Стоит отметить, что данный проект был принят во внимание Девятым арбитражным апелляционным судом в постановлении от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/18 при обосновании позиции о признании криптовалюты имуществом [17].

Согласно пояснительной записке проект закона нацелен на закрепление в ГК РФ нескольких базовых положений, отталкиваясь от которых, российский законодатель мог бы осуществлять регулирование рынка существующих в информационно-телекоммуникационной сети новых объектов экономических отношений (токенов, криптовалюты), обеспечивать условия для совершения и исполнения сделок в цифровой среде, в том числе сделок, позволяющих предоставлять массивы сведений (информацию).

Как отмечает М.Л. Башкатов, цифровые права строятся согласно проекту по конструкции “права на право”, то есть они признаются имущественными правами, репрезентирующими иные объекты гражданских прав (в отличие от цифровых денег, которые не удостоверяют прав на какие-либо объекты). По его мнению, в этой части законопроект является наиболее уязвимым для критики, поскольку установление общего правового режима на токены, репрезентирующие объекты гражданских прав, в принципе является догматически спорным [17].

М.Л. Башкатов считает, что регулирование токенов – это регулирование учета благ в распределенном реестре и режима их обращения. По его мнению, представляется оптимальным регулировать не токены (цифровые права) как таковые, а именно правовые свойства реестра и юридическое значение учета в нем объектов гражданских прав [17].

Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ “О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” внесены изменения в ГК РФ – часть первая ГК РФ дополнена ст. 141.1 “Цифровые права”. Токен как отдельная правовая сущность в итоговую версию изменений ГК РФ не включен, т. к. “цифровые права”, по мнению российских законодателей, в полной мере замещают “токен” в гражданском обороте.

Под цифровыми правами согласно п. 1 ст. 141 ГК Российской Федерации признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам [18].

В ГК Республики Беларусь цифровые знаки (токены) указаны в абзаце 20 части 4 пункта 1 статьи 1 ГК Республики Беларусь, согласно которой майнинг, приобретение, отчуждение цифровых знаков (токенов) не является предпринимательской деятельностью [19].

Заключение

Мы считаем, что в силу происходящей смены технологических укладов дискуссия о месте и роли токенов в гражданском обороте является своевременной и актуальной. Выработка унифицированной позиции в отношении токена как объекта гражданского права невозможна без синтеза эмпирического и теоретического знания.

В большинстве источников методологической направленности в качестве научной проблемы обозначается неспособность той или иной отрасли науки объяснить определенные факты или же разрешить какое-либо противоречие между вновь выявленными фактами и наличными теоретическими положениями. Само же научное исследование должно представлять собой не что иное, как процесс и результат разрешения подобных противоречий в познании. Основная задача – это различие так называемых “мнимых” и действительных проблем в цивилистике [20].

Установление центрального познавательного противоречия, а также указание на предположительный результат его разрешения и составляет существо постановки научной проблемы [21].

Токен как продукт «цифровой трансформации» бизнес-процессов является «настоящей» научной проблемой права.

Данный вывод сделан в каждой из работ таких ученых, как Н.С. Минько [22], Л.А. Новоселова [13], С.В. Овсейко [10], А.И. Савельева [16], И.В. Салей [23], О.Н. Толочко [11], В.В. Хилюта [12].

Построение цифровой экономики возможно только путем расширения гражданского оборота в цифровом пространстве, т. е. путем включения в круг оборотоспособных объектов гражданских прав непосредственно самих цифровых объектов и прав на них.

Научное исследование правового статуса токена как объекта гражданского оборота позволит внедрить практику работы с токеном во все сферы цифровой экономики Республики Беларусь.

В рамках обозначенной научной проблемы цивилистики востребованным является проведение научно-исследовательских работ по вопросу определения теоретико-правовой сущности токена как объекта гражданских прав в современных макроэкономических условиях с выявлением особенностей гражданского оборота, выработке на этой основе предложений по совершенствованию правового регулирования отношений в данной сфере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. О Парке высоких технологий [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 22 сент. 2005 г., № 12 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 21.12.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

3. Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 235 : в ред. Постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 09.11.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. **Савельев, А. И.** Комментарий на положения о регулировании операций с криптовалютами и иных отношений, основанных на технологии “Блокчейн” Декрета Президента Республики Беларусь “О Развитии Цифровой Экономики” № 8 от 21 декабря 2017 г. / Статья // <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share//direct/213716008>. – Дата доступа: 15.09.2018.
5. **Папков, А. С.** Эффективность действия правовой нормы (к методологии и методике социологического исследования) / А. С. Папков, Л. С. Явич // Советского государство и право. – 1970. – № 3. – С. 40–48.
6. **Самощенко, И. С.** О понятии эффективности правовых норм / И. С. Самощенко, В. И. Никитский // Ученые записки Всесоюзн. науч.-исслед. Ин-та совет. Законодательства. – 1969. – Вып. 18. – С. 3–19.
7. ПВТ показал небывалый рост экспорта [Электронный ресурс] // PARK.BY. – Режим доступа: <http://park.by/post-2327/>. – Дата доступа: 04.04.2019. 19. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 07 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
8. **Шевченко, А. П.** О совершенствовании деятельности Парка высоких технологий и развитии цифровой экономики в Республике Беларусь (Анализ Декрета Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 “О развитии цифровой экономики”) [Электронный ресурс] : [по состоянию на 15.09.2018 г.] / А. П. Шевченко // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО “ЮрСпектр”, Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
9. The Virtual Financial Assets Act, 2018 (The VFA Act) [Electronic resource] // JUSTICESERVICES.GOV.MT. – Mode of access: <http://justiceservices.gov.mt/DownloadDocument.aspx?app=lp&itemid=29079&l=1>. – Date of access: 05.04.2019.
10. **Овсейко, С. В.** Декрет № 8: операции с криптовалютами и правовой эксперимент / С. В. Овсейко // Налоги Беларуси: научно-практический журнал Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь. – 2018. – № 2. – С. 77–86.
11. **Толочко, О.** Законодательство Республики Беларусь об обороте токенов (криптовалют) в свете обеспечения экономической безопасности / О. Толочко // Юстиция Беларуси: юридический научно-практический журнал. – 2018. – № 4. – С. 30–32.
12. **Хилота, В. В.** Криптовалюта и токен – новые объекты гражданских прав / В. В. Хилота // Промышленно-торговое право: научно-практический журнал. – 2018. – № 3. – С. 21–23.
13. **Новоселова, Л.** “Токенизация” объектов гражданского права [Текст] / Л. Новоселова // Хозяйство и право. – 2017. – № 12. – С. 29–44.
14. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/18 [Электронный ресурс] // GARANT.RU. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/61623374/>. – Дата доступа: 05.04.2019.
15. ECJ decision of 22.10.2015, Case C-264/14 [Electronic resource] // InfoCuria – Case-law of the Court of Justice. – Mode of access: <http://base.garant.ru/61623374/>. – Date of access: 08.04.2019.
16. **Савельев, А. И.** Криптовалюты в системе объектов гражданских прав [Текст] / А. И. Савельев // Закон. – 2017. – № 8. – С. 136–153.
17. Объекты на цифровых носителях, цифровые права и деньги: тенденции правовой теории и практики [Электронный ресурс] // GARANT.RU. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/article/1220358/>. – Дата доступа: 05.04.2019.
18. Федеральный закон от 18.03.2019 №34-ФЗ “О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации” [Элек-

тронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – Дата доступа: 05.04.2019.

19. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 07 декабря 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 ноября 2008 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
20. **Кузнецова, О. А.** Научная проблема и названия цивилистических исследований / О. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2013. – № 4(22). – С. 316–324.
21. **Папковская, П. Я.** Методология научных исследований: курс лекций / П. Я. Папковская. – 2-е изд., измененное. – Минск : Информпресс, 2006. – 182 с.
22. **Минько, Н.** Правовой статус цифровых знаков (токенов) / Н. Минько, А. Филонов // Юстиция Беларуси: юридический научно-практический журнал. – 2018. – № 2. – С. 42–46.
23. **Салей, И. В.** Токен: понятие и правовая природа / И. В. Салей, Н. Г. Артемьев, С. М. Негареш // Промышленно-торговое право: научно-практический журнал. – 2018. – № 2. – С. 45–48.

Поступила в редакцию 11.04.2019 г.

Контакты: a.a.g.lawyer@gmail.com (Грибовский Александр Александрович)

Gribovskiy A. PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF TOKEN CIVIL TURNOVER.

The article provides a review of legal regulation of token civil turnover in the territory of the Republic of Belarus, the Russian Federation, the European Union as well as the implementation of token legislation by the courts.

Keywords: token, cryptocurrency, digital rights, legal regulation of digital economy, civil turnover.